

Напрячься нам с Вами пришлось изрядно, в награду предлагаю расслабиться на нескольких кандзи, запоминание которых не вызовет никаких усилий. Первым нашей птичке приглянулся иероглиф, актуальный по теме, со значением **“учиться”** – “СЮ:/ нара(у)”. “Крылья” + “белое” приводят моментально к ассоциации: “Что такое учиться, как не полет на собственных “крыльях” над “белыми пятнами”?” И логично, и образно, впрочем, посмотрите сами.

習

Похожее изображение со значением **“следующий”**, но вместо “белого” появляется элемент “стоять”. Легко представить себе мысль вроде “хватит летать над неизвестностью, учеба может и “постоять”, подождать; отложим дела на следующий день (или год?)”.

翌

У этого кандзи одно-единственное (“онное”) чтение – ЁКУ, поэтому Вы легко произнесете “ёкунэн”, глядя на приведенное ниже сочетание, и может быть подумаете о том, когда стоит сдать экзамен “Норёку сикэн” –

翌年

Выходящий за пределы нашего минимума кандзи **“пламя”**, который, однако, также не потребует от нас излишних напряжений.

Вновь для тех, кто в письмах выражает желание сразу знакомиться с “онностями” и “кунностями” (именно так образно выразилась в своем письме Калинина Елена Михайловна), приводим излишний (для среднестатистического изучателя, к коим отношусь и я) материал – “ЭН/хоно:”.

炎

“Слова” около двух “огней” – это очередной кандзи-дублер, который имеет логичное значение **“разговор”** и достаточно прост в озвучивании, только один “он” – “ДАН”.

В сочетании с кандзи “сторона, взаимный” образуется слово “со:дан” - “совещание, консультация”, вполне понятное на первый взгляд, – “беседа о различных аспектах чего-либо” или “разговор, носящий взаимный характер”, –

談

相談

Еще один пример иероглифа, намертво укладываемого на полочках Вашей памяти. Читается он “КАН/саму(й)” и означает **“холодный”**. Вы, может быть, подумали, что я неудачно пошутил; уверяю Вас, что это не так, и постараюсь убедить критически настроенного читателя в своей правоте. Вспомните “плодоносящего” мужика в шляпе под крышей дома и представьте себе, что может произойти с ним, если под ногами нет ничего, кроме “льда” (две черточки, с которыми мы уже несколько раз встречались). Бедный “отец семейства”, посмотрите, какая жуткая дрожь его пробирает, тело несчастного попросту раздвоилось – яркая иллюстрация для образного (хотя и неблагозвучного) определения “колотун”. Начало популярного выражения “Что-то стало холодать...” легко может быть выражено Вами при помощи простейшего “Самуй дэс(у)”. Если Вы еще жалобно произнесете при этом “уис(у)ки” или “вокка” (именно так японцы обзывают нашу “Столичную” или “Московскую”), то сердобольные японцы постараются сразу же проводить Вас в ближайший “рэс(у)торан”.

寒

Раз уж мы произнесли первую часть столь популярного у нас в народе выражения, то нужно хоть намеком обозначить и вторую. Для этого в японском языке имеется достаточно образный кандзи, произносимый **“сакэ”** (это родное “кунное” прочтение, есть и “онное” – “СЮ”).

酒

Ясно, что здесь совершенно не идет речь о птичке в гнездышке. Очертания правой части весьма схожи с изображением “бутылочки”, а в левой – хорошо знакомая “жидкость”. Надо ли приводить расшифровку “сакэ”? Раз уж мы заботимся о самых упорных, то не надо забывать и о самых невинных – данный иероглиф может быть переведен на русский язык как “рисовая водка” (наименее невинные скептически улыбнутся при упоминании термина “водка” для отождествления с “сакэ”).

Стилизованная “бутылочка” в сочетании с знакомой “перевернутой пятеркой” означает **“распределять”** – “ХАЙ/куба(ру)”.

“Бутылка” + “свой, себе” – “кому хочу, тому и распределяю”.

При добавлении кандзи “сердце” (“СИН/кокоро”, если Вы забыли) получаем образное слово “симпай” (“СИН” + “ХАЙ” при фонетическом слиянии звучат именно так) – “волнение, забота” –

配

心配する

Выражение “симпай суру” означает “беспокоиться о ком-то, о чем-то”.

Птичка вновь вспорхнула и после крутого виража присела рядом с двумя кандзи, имеющими “онное” чтение “КУН” (?!). Удивительно, но мы с Вами сейчас во всем разберемся. Первый “КУН” представляет собой “трехпалую руку” с “палкой”, величественно занесенной над изображением “рта”. Это символичное изображение соответствует значению “господин товарищ” или “товарищ господин”, поскольку носит несколько фамильярный оттенок. Вам не стоит с ходу обращаться к новому знакомому: “Мацусита-кун”, для этого сначала предстоит съесть с ним “пуд соли”. Есть у этого кандзи и “кунное” чтение – “кими”, но оно используется также для весьма фамильярного обращения (между мужчинами) и примерно соответствует нашему “ты”.

Глядя на этот иероглиф, один из наиболее фанатичных сторонников данного метода изучения кандзи, доктор наук Фарид Еникеев, волею судеб занесенный в японскую глубинку и удивленный тем, что японцев, говорящих по-английски, вокруг практически нет, вероятно, вновь воскликнет: “Ну вот, стоит появиться новому элементу, как это оказывается “рука” или “нога”!” На что рискну ответить: “Уважаемый Фарид-кун (благо съели мы больше пуда интернетовской соли)! Да, метод получается “многоруким” и даже “многоногим”, зато, к счастью, у него не очень много “хвостов”. В следующем издании попытаюсь каким-либо образом отделить одно изображение руки от другого – к примеру, “рука Остапа Бендера”, “фиговая рука”, “граблеобразная рука” и т.п.; пока на это фантазии не хватает”. Кстати, уважаемые читатели, речь идет о человеке, сразившем меня наповал тем, что обладая “слабой памятью” (это собственные слова господина товарища Еникеева), он ухитрился за две недели запомнить значения более чем 400 кандзи и одновременно создать для меня сайт (а также продолжить битву за выживание в таинственном городе Цу).

Рядом с вышеизображенным “куном” расположился “кун”, при помощи которого мы можем обозначить “кунное” произношение японского иероглифа. В следующий раз, произнося “кунное чтение”, представьте себе мысленно этот поэтический кандзи, который легко запомнить, как “слова реки”. Итак, парадокс - “КУН” без всяких “кунов”, имеющий значение **“кун”** или **“наставление, инструкция”**.

Если Вы вспомните кандзи “тренировка ума, совершенствование стиля” из главы “Нить Ариадны” (“нить”, ведущая нас к таинствам “востока”), то в сочетании со “словами реки” мы получим замечательное слово “кунрэн” или “тренировка” –

訓

訓練

“Во всем нужна сноровка, закалка и кунрэн”. Тренируйтесь почаще и сами не заметите, как “объяпонитесь” (выражение моего близкого друга, соответствующее духу слова “кими” или “кун” – “Ну что! Совсем объяпонился?”). А еще пришел в голову дурацкий стишок: “Чтоб понять “слова реки”, загляни в словарики!” Господи, какая же тяжелая эта тринадцатая глава!

Господи! Какая же тяжелая эта глава № 13! Но мы продолжаем знакомство с самыми простыми для усвоения иероглифами, порхая вслед за птичкой и устремляя свой взор на знакомые очертания. Вот перед Вами “старый”, окруженный “границами”.

Если нечто “старое” надежно прикрыть со всех сторон, то оно “засохнет”, “затвердеет”, – вот Вам и путь для фиксации значения “**твердый**”. А можно представить себе “могилку в оградке” и гордо заявить: “Я твердо решил изучать кандзи до самой смерти”. Можно также поразмыслить над тем, что может означать термин “ограниченно старый”(!), и породить ассоциацию какой-нибудь сексуальной направленности. Да мало ли путей для самовыражения, пускай даже и перед самим собой! Легко связать образ данного кандзи с “кунным” чтением “ката(й)” – “Твердо решил изучать кандзи? Тогда катай дальше!” По “ону” иероглиф читается “КО”.

Один из читателей, приславших отзывы на помещенные в Интернете главы, Михаил Беленький, вполне резонно заметил в своем письме: “Метод немного опасен: тупое запоминание вбивает в память напрямую, а образ-посредник отнимает время на воспоминание”. Я вполне разделяю данные опасения, но акцент все-таки поставил бы на слове “немного”. Представьте, сколько времени уйдет у человека без развитой зрительной памяти на запоминание простенького кандзи “день недели” из 18 черточек, если не прибегнуть к помощи Шерлока Холмса! Из толпы абстрактных лиц мы выделяем одно по признаку: “На щечке родинка, полумесяцем бровь!” При следующей встрече машинально отмечаем эти признаки и радуемся появлению знакомой девушки, а после свадьбы перестаем упорно акцентировать внимание на этих деталях (если только не влюблены до одержимости именно в родинку и бровь). Девушка превращается в привычный образ среди других привычных образов (при этом не утрачивающий своей ценности для нас). Вот так и с “канджами” (как мило назвал иероглифы еще один читатель) – сначала мы их учимся узнавать (без избыточных усилий), а затем, когда наступит светлое время чтения (читатель-кун, верь, взойдет она...), мы поневоле будем скользить по строкам с полным пониманием текста, не успевая даже подумать о ставших ненужными ассоциациях (лишь изредка с улыбкой думая о родинке и форме бровей такой родной и привычной супруги, ласково зрвущей Вас из соседней комнаты: “Абураму-у-у-сик!”).

Очередная маленькая новелла о насилии над здравым смыслом. Очень тяжело логическим путем докопаться до подлинного “жизненного” пути иероглифа “**печать, штамп**” (ИН/сируси), поэтому расскажу Вам байку о том, как древние китайцы заказали печать для императора у древнерусских мастеров. Пьяный дьяк перевел титул императора (а о таком на Руси в то время еще не слыхивали) как “Его Развысочество”, и в память об этом случае китайцы все свои “штампы” и “печати” начали обозначать таким образом (и японцев научили). Подлинность этой истории подтверждают правнуки барона Мюнхгаузена, оказавшегося посредником в этом деле. Некоторые из них, правда, говорят о заказе для японского императора, ссылаясь на то, что “кунное” чтение означает комментарий того самого дьяка при виде передаваемого японцам заказа. По прошествии веков все это не столь уж важно, главное состоит в том, что кандзи относится к разряду “незабываемых” после первого знакомства с ним.

Предпоследний в данной главе кандзи также относится к забываемым.

“Человек” + огромный “нос” (служащий, как Вам уже известно, на Востоке орудием для идентификации самого себя). Личность, наиболее ярко идентифицируемая в буддизме, – это сам “**Будда**” (“БУЦУ/хотокс”). Если же Вы произнесете “ФУЦУ”, то это в различных сокращениях будет означать “**Франция**” (видимо, в Японию вначале приезжали только носатые французы).

Если Вам доведется посетить древние столицы Японии (Нара и божественная Камакура), то не упустите возможности забраться внутрь огромных статуй Будды; сами же статуи носят название “Дайбуцу”, Вы уже в состоянии попытаться мысленно изобразить это слово -

大仏

Чем же нам с Вами предстоит завершить многострадальную (и многословную) тринадцатую главу? Так и мерещилась рожа черта, заставляющего бесхвостую птичку судорожно порхать беспорядочнее, чем обычно. Однако отложим встречу с лукавым за пределы нашего минимума, да и кандзи “они” (так звучит по-японски “черт, дьявол”) графически не слишком прост; желающие могут по куну найти этот кандзи в словаре, а мы лучше еще раз расслабимся, глядя на простой по смыслу иероглиф.

漁

Узнаете “рыбу”? Узнаете “воду”? Поняли, куда я Вас приглашаю для того, чтобы расслабиться после праведных трудов? Послушаем “слова реки”, захватим с собой графическую “бутылочку сакэ”, будем друг с другом на “ты”, “побеседуем у двух костров”, отложим изучение кандзи на “следующий” год, почувствуем “гармонию” окружающей природы... Ну как, появляются картинки иероглифов перед глазами? Итак, чем же я предлагаю Вам заняться у воды, полной рыбы? Прямо в точку!

Данный кандзи – не что иное, как **“рыбная ловля”**. Ловись кандзи, большой и маленький! Мерзни, мерзни, волчий хвост! (Это уже от лукавого, который решил поставить точку в этой главе.)

XIV. „Темарема” для Элочки, мир „КоСоАдо” и социум

Мы не успели заметить, как на страницах книги потихоньку, но навязчиво появилась еще одна героиня (кроме любимой птички) по имени Элочка-людоедка. Любовь к японскому языку проснулась в ней после знакомства с японским инженером, которого она обучала простым премудростям русского языка, а вернее, после того, как он, вспотев от напряжения и ломая свой звуковой аппарат, впервые произнес, обращаясь к ней по имени: “Эрротика” (вспомните сами, как Вы впервые пытались прожевать английскую “кашу” из “тенкью”, “сэнкью” и “фэнкью”). Второй раз Элочка ощутила кайф, когда инженер вернулся из командировки в Читинскую область и пытался объяснить, где же он был, – нечто среднее между “Титинская” и “Чичинская” плюс “обурасити”, в которой его знакомили с “чёруками”, которые “рюбят дорары” (“валютными” девушками). Элочка сразу же пожелала обучить несчастного Такахаси-сана произношению слова “Привет”, и увидев, как жестоко он мучается, стараясь произнести нечто вроде “пурибэтта”, решила, что японский язык – это судьба с “тисто тифунитической тотики дзурения” (речь о чисто технической точке зрения). Многие из нас относятся к Элочке предвзято, считая ее тупым и ленивым созданием, не способным на глубокие чувства; я же, в свою очередь, считаю ее просто талантливым прагматиком, скрывающим от непосвященных (в силу крайней ранимости души) все свои ощущения за неказистым занавесом словарного минимума. Беседы с Элочкой отныне будут занимать некоторое пространство нашей книги, те из читателей, кто уже обладает словарно-грамматическим минимумом на достаточном уровне, могут прагматично перелистнуть несколько страниц (на которых отсутствуют изображения кандзи); всех остальных приглашаю обменяться некоторыми идеями относительно частей японского языкового “скелета”.

Итак, начнем с сопоставления восточного и западного мироощущения. “Западники”, как правило, мысленно делят все окружающее пространство на две части: “мое - не мое”, “я – не я (и корова не моя)”. Люди Востока в этом плане менее эгоистичны, они уделяют равноценную часть пространства и своему собеседнику. То, что находится рядом с говорящим, японцы относят к пространству “Ко...” (соответствует нашему “Это...” или, образнее говоря, “здесьность”), пространство, находящееся ближе к собеседнику, и все связанное с ним обозначается “Со...” (мы относим его к “ненашему” “То...”, или “тамошность рядом с Вами”, или “здесьность для Вас”). Вся остальная часть мира связана с начальным слогом “А...” (для нас это тоже “То..”, можно выделить его путем “Вон то, вдалеке” или сказать по-английски “that over there”). Если непонятно, в какой части окружающего мира находится то, что интересует говорящего, то на помощь приходит всеобъемлющее вопросительное “До...”, с которым мы можем пылливо обратиться к собеседнику или риторически – к самому пространству. К этим базовым “слогам” (я не знаю, как обозвать их по-научному, и Элочка тоже не знает) мы можем смело добавлять второй слог и получить массу указательных слов, весьма полезных для словарного минимума общения.

Второй слог “рэ” позволит нам смело обращаться с “вещами”. “Корэ” (“Эта вещь” или просто “это -”) позволит нам ткнуть во что угодно, расположенное в “своем регионе” (то есть ближе к нам, чем к японоговорящему собеседнику), и произнести простейшую базовую фразу типа “Корэ ва хон дэс” (про связку “дэс” мы с Вами уже говорили, а о частице “ва” чуть ниже) – “Это – книга”. Если книга в руках у собеседника, то фраза, переводимая на русский язык точно так же, будет звучать “Сорэ ва хон дэс”. Книга же, расположенная в пространстве от ближайшего стола (до которого и Вам, и собеседнику не дотянуться рукой) до самой удаленной звезды, потребует от Вас построения фразы “Арэ ва хон дэс”. Итак, отдаем дань грамматике – “Корэ (Сорэ, Арэ) ва ... дэс” и заменяем пропуск любым из известных нам “гайрайго” (слово иностранного, или вернее будет сказать, на 90% английского происхождения) – “тэбуру (table), такуси (taxi), би:пу (beer) или сутэки (steik)”, либо “канго” (с иероглифическим чтением по “ону”), подойдет и “ваго” (исконно японское слово, требующее “кунного” чтения) – “и путь открыт к успехам!” (слова австро-венгерского гимна, столь любимые Швейком).

Если вместо “рэ” поставить “но” (притяжательную частицу, обозначающую принадлежность, – “Эллочка но хон” (Эллочкина книга, хо-хо парниша!), то мы получим просто указательные местоимения “этот, тот, тот подальше” – “коно”, “соно” и “ано”.

“Соно хон ва (книга, которую держит японец) Эллочка но хон дэс” (Эта книга – Эллочкина).

При добавлении “нна” (Н-на тебе!) получим определение “такого рода, такого плана, такой”.

“Конна хон ва с(у)ки дэс”. “С(у)ки” Вам уже известно, как символ полного одобрения (мне нравится, что Вы больны не мной...), а полностью фразу можно понять как “Люблю книги такого плана” (как та, что Вы держите в руках; большое спасибо – “аригато: годзаимас”).

Второй слог “ко” означает “место расположения”. “Коко ва Ряба дэс” (Здесь – (курочка) Ряба, ко-ко-ко). “Соко ва хон дэс” (Там – книга). Для определения чего-то, расположенного “там, вдалеке”, нам придется смириться с тем, что в японском языке также есть исключения из правил (ибо это вполне “живой” язык), и вместо ожидаемого “ако” запомнить слово “асоко”. “Асоко ва – суси ба: дэс” (Вот там – суси-бар).

Еще одно указательное местоимение можно получить, заменив второй слог на “тира”. “Котира ва” (в этом направлении). Приглашая гостя за стол, Вы можете вежливо показать ему место, добавляя: “Котира ва” (Сюда, прошу Вас). Представляя Эллочку гостю Вы также можете сказать: “Котира ва Эллочка-сан дэс” (“Представляю Вам Эллочку” вместо буквального “Эллочка в этом направлении”).

После того как мы слегка определились в окружающем пространстве, подошло время познакомиться со всеобъемлющей и неконкретной “До” (завершающей КоСоАДо вселенную). Итак, “до” используется вместо “ко”, “со” и “а” в том случае, когда Вам неизвестно или непонятно, где находится интересующий объект.

Параллельно, раз уж речь зашла о вопросах, сразу познакомимся с частицей “ка”, которая в конце предложения заменяет наш вопросительный знак. Для примера приведем русскую фразу “Вы любите книгу”. В зависимости от тона собеседник поймет, утверждаете Вы данный факт или интересуетесь его мнением. “Любите книгу ка” в смешанном русско-японском стиле означает то же самое безударно произнесенное “Любите книгу, вопросительный знак”, то есть частица “ка” выполняет роль вопросительного знака не только на бумаге, но и в произношении.

Итак, “дорэ”, как Вы и сами прекрасно догадываетесь, означает “который из...”.

Практическая ситуация – Вам показывают кучу предметов и говорят “хон”. Вы не японист, что такое “хон”, не знаете (хотя уже прекрасно знаете), поэтому удивленно восклицаете: “Дорэ дэс ка” (Который из них “хон?”), после чего Вам указывают на книгу и говорят: “Корэ ва хон дэс”.

“Доно” означает “чей, чья, чьи”. “Коно хон ва доно дэс ка” – Вам отвечают: “Эрротика-сан но дэс” и полностью удовлетворяют Ваш интерес по поводу принадлежности данной книжки.

В плане типа книги Вы можете поинтересоваться: “Коно хон ва донна хон дэс ка” (Что это за книжонка?). Просвещенный собеседник вполне может Вам сказать “Сайенсу фикусён дэс”, что укажет на принадлежность книги к жанру научной фантастики.

“Доко” заменяет вопрос “где?”. “Коко ва доко дэс ка” (“Здесь – это где?”, что нормально по-русски звучит “Куда я попал? Где я нахожусь?”), на что вежливый японец, стоя перед памятником Юрию Долгорукому, ответит Вам: “Мосукува но сэнта: дэс” (Это – центр Москвы, на случай, если Вы еще не всегда понимаете японский пронаунс).

“Дотира ва” – таким путем Вы можете поинтересоваться у хозяина - японца, куда Вам приземлиться в его гостиной. Также, не зная, кто из гостей стоит у рояля, Вы можете потихоньку спросить у того же гостеприимного хозяина: “Ано хито (или лучше “ката”) ва дотира дэс ка” (Что это за персона (господин, госпожа), вежливо ткнув в пространство указательным пальцем, на что получите, к примеру, ответ: “Эрротика-сан дэс” и сможете познакомиться с нашей замечательной Эллочкой, незаслуженно получившей дополнение “людоедка”. Кстати, догадайтесь о значении слова “сёкудзин” –

食人

(Для эстета – “канныализм”, для остальных – “людоедство”, бр-р-р! что общего у данного ужаса с милейшей Эллочкой-сан?)

Кстати, говоря о себе, никогда не добавляйте к своему имени “-сан”, а также никогда не забывайте добавить это уважительное слово к имени собеседника (и всех его друзей и родственников). Безусловно, “гайдзин” в Японии все можно, но представьте себе ощущение от вида иностранца, справляющего малую нужду на дверь Вашей квартиры; примерно в таком моральном образе Вы предстанете перед японским собеседником, если нарушите этот общеизвестный словесный ритуал.

Нам осталось расширить пределы мира “КоСоАДо” еще одним дополнением – вместо всех перечисленных выше слогов поставить второе “о”, которое, объединившись с “о” первого слога, превратится просто в долгую гласную “О:” – “Ко:” – таким образом, таким путем (как это), “Со:” и “А:” (это вновь небольшое исключение из правила) – “таким образом, так (как то или вон то) и “До:” (каким образом, как?)

“До: дэс ка” в широком смысле соответствует нашему “ну как оно ничего?”, а “со: дэс ка” – аналог неопределенного междометия “вот оно как!” Если Вы не понимаете того, что Вам говорит собеседник по-японски, то “со: дэс ка” или даже “со: ка”, вставляемое время от времени в его тираду, поможет создать иллюзию содержательной беседы при отсутствии таковой содержательности для Вас.

Не могу удержаться от того, чтобы сразу не сообщить Вам о наличии специфической частицы “нэ”, которая в конце Вашей фразы (на месте вопросительного знака) просто свидетельствует о Вашем желании услышать мнение собеседника (или продолжение его речи). Говоря в ответ: “со: дэс нэ”, Вы как бы восклицаете: “Вот как! Ну а дальше”. А если Вы говорите: “Корэ ва хон дэс нэ”, то это означает: “Это книга, не правда ли?”, побуждая собеседника среагировать на Ваше утверждение так или иначе.

Беседу с Эллочкой мы завершим очень важной и очень сложной темой (не бойтесь, я с Вами!) – использованием частицы “ва” (которую мы уже встречали выше) и ее “родственницы” “га” в обычной фразе. Для того чтобы проиллюстрировать их использование, познакомимся с личным местоимением “я”, которое по-японски звучит несколько длинновато “ватак(у)си” (Я – россиянка Эллочка, накося, выкуси!). Итак, первая фраза – “Ватак(у)си ва сэнсэй дэс”, а вторая – “Ватак(у)си га сэнсэй дэс”. Обе могут быть переведены на русский язык как “Я – учитель”, но в японском языке разница между ними весьма существенна, и Вы сейчас ее поймете. “Ва” в учебно-научной литературе носит название служебной “тематической” частицы, а “га” кратко можно обозвать “ремой”, не углубляясь в столкновение смысла этого чудного названия. Итак, “ва” – “тема”, “га” – “рема”, а вместе – “темарема” для Элочки.

Представим себе две ситуации. Мы с Вами только что познакомились и обмениваемся краткими сведениями о себе. В этом случае я говорю: “Ватак(у)си ва сэнсэй дэс”, что буквально может пониматься так: “Если речь зашла обо мне (если моя персона стала темой разговора), то я являюсь учителем”. Точно так же я могу себе позволить сказать: “Эллочка-сан ва гак(у)сэй дэс” (Что касается Элочки, то она – ученик).

Вторая ситуация – мы с Эллочкой спокойно сидим в комнате. Внезапно вбегает невежливый “гайдзин” и, с ходу подбежав к Эллочке, бешено вращает глазами и кричит: “Это ты сэнсэй?” Тогда я, сохраняя полное достоинство, спокойно и твердо заявляю: “Ватак(у)си га сэнсэй дэс” (Это я учитель (именно я, а никто другой). “Я” в данном случае играет роль знакомого каждому из нас “подлежащего”).

В первом случае “информативный” упор делается на некие сведения по теме. (Раз уж речь зашла обо мне (что не так важно и просто является темой для разговора), то я такой-то и такой-то (что гораздо важнее). Во втором же случае особое внимание уделяется тому, что именно я являюсь носителем или обладателем чего-то (а не кто-то другой). Резюмируем – “ва” сопутствует указанию на тему беседы (информации, содержащейся во фразе), “га” жестко выделяет явное подлежащее в данной фразе (именно “подлежащее” является тем-то и тем-то, имеющим в разговоре второстепенную важность).

Эллочка внезапно вскочила с места и с криком “Ватакуси га сэнсэй дэс” три раза ударила оземь, превратилась в бесхвостую птичку и с громким чириканьем “Ватакуси, ватакуси...” вылетела в форточку, приглашая нас с Вами, уважаемый читатель, последовать в новое путешествие по удивительной стране, единственными обитателями которой являются древние иероглифы... Вы уже, выполняя мысленные экзерсисы с “цепочками”, наверняка приходили к смутным догадкам, что связь между отдельными кандзи не является произвольной, надуманной исключительно с целью облегчить запоминание. Я признался в самом начале книги, что охотно пойду на всяческие уловки для достижения основной цели – ускорить (и значительно) процесс распознавания иероглифов и

запоминания их значения, то есть уподобил себя некоему “историографу”, получившему “социальный заказ” и смело перекраивающему реальные события в угоду заказчику. Однако, я считаю себя в гораздо меньшей степени “преступником”, ибо не трогаю памяти умерших, а обыгрываю “жизненный путь” долгожителей (кандзи в отличие от нас отмерен гораздо более длительный срок существования, сравнимый с пирамидами фараонов). Кроме того, если мне известно “досье” иероглифа и факты, содержащиеся в нем, не препятствуют достижению поставленной цели, то я с удовольствием не иду против правды и честно использую опыт предыдущих “историков”. Резюмирую – иероглифы не являются ко мне в кошмарных снах с криками “угодливый писака”, более того, иногда мне кажется, что они весьма благосклонны к моим попыткам прикоснуться к древней гармонии с целью донести ее частицы до будущего поколения...

Возвратимся к древним временам... Когда-то один китаец в ответ на надоевшие байки другого китаец изобрел иероглиф “старый” из двух знакомых ему частей “десять” и “рот”, таким путем он, видимо, хотел ему показать, что рассказываемую историю слышал уже десятки раз. Изобретенный кандзи, “обкатанный” в практическом употреблении, начал жить собственной жизнью и благополучно существует в современном китайском и японском языках, доказав свое право на жизнь в ходе естественного отбора, как таракан (в качестве удачной природной конструкции). В настоящее время в России данную конструкцию легче запомнить, призвав на помощь картинку надгробия с крестом и логично связав тему смерти со старостью. Исторически это бред (древние китайцы не могли ничего знать о еще не родившемся Христе и, тем более, о христианстве), но на практике данная уловка с памятью работает. Однако, дойдя до 14 главы, Вы вряд ли будете травмировать свою ассоциативную память с целью вспомнить значение данного иероглифа – оно, пройдя через Ваши нервные центры, спокойно вызывает из тайных глубин подсознания слово “старый”, поскольку независимо от Вас данный кандзи образовал своеобразную “мозоль” на Вашем “хард-диске”.

Весьма трудно сейчас реконструировать события, которые сподвигли второго китаец на изобретение иероглифа “твердый” (мы совсем недавно встретились с ним). Может быть, он положил старую устрицу в коробку и через некоторое время, вспомнив об этом, увидел, что она превратилась в окаменелость. А может, при решении приграничных споров с соседом он таким образом выразил идею “нерушимости” существующих границ, установленных еще дедами. Допустима и идея привлечения внимания к “старости” короля в кандзи “страна” с целью выражения твердости его в принятии международных решений. Нашему извращенному сознанию, закаленному на решении кроссвордов и на “черном” юморе, легко изобрести сотни возможных ситуаций; главное не в этом, а в том, что идея “твердости, прочности” была так или иначе зафиксирована в нашей с Вами памяти.

Еще важнее то (будьте добры, сосредоточьтесь!), что второй китаец идею нерушимости и твердости связал с “границами”, а звучание этому иероглифу позаимствовал от элемента “старый”. Говоря научным языком, “границы” являются идеографической составляющей данного кандзи (смысл), а “старый” – фонетической составляющей (звучание). В китайском языке слова состоят, как правило, из одного слога. Слогов мало, а слов много, поэтому с течением времени стало появляться все больше одинаково звучащих слов, значение которых различимо только на бумаге. Японцы вынуждены были перенять эту головную боль, которая усиливалась тем, что древний японский язык по своему “строению” не имел ничего общего с китайским. Обращаюсь к тем, кто вынудил меня начать сопровождение новых кандзи “онами” и “кунами”: “Господа, Вам станет немного легче дышать после того, как Вы узнаете великую тайну иероглифики – “онные” значения для иероглифов, содержащих одинаковые “элементы”, довольно часто одинаковы. Возьмите на заметку то, что и “старый” и “твердый” по “ону” читаются как “КО”.

Пришло время представить себя третьим китаецем и зафиксировать на бумаге понятие “индивидуальный”. Скажите откровенно, вызывают ли у Вас уважение люди, принимающие решение и твердо стоящие на своем? Часто ли Вы встречаете таких людей или большинство подвержено влиянию “общественного мнения” (или “стадного инстинкта”)? Подумали? Все, база для повторного создания (спустя тысячи лет) иероглифа “индивидуальный” готова – это “человек”, “твердо” стоящий на своем.

Поскольку “индивидуальность” – продукт “штучный”, данный кандзи используется в качестве понятия “штука” или единица счета для разных объектов. Кстати, поскольку японцы до недавних пор не отличались индивидуализмом, то “кунного” значения для этого иероглифа попросту не существует. А “онное” Вам уже известно – это “КО”.

“Кодзин” – это просто “частное лицо”

個人

Следующий иероглиф – сочетание элементов “человек”, “стоять” и “рот”, при взгляде на который вспоминается очередной школьный анекдот: “Человек идет по автобусу и задирается к пассажирам: “Ну, кто на меня?” Один из пассажиров с борцовской комплекцией отвечает: “Ну, я на тебя”. Тогда задира спрашивает: “Как тебя зовут”, на что получает ответ: “Ну, Вася”. Задира продолжает идти по салону, восклицая: “Ну, кто на нас с Васей!”. Иллюстрация к этой истории – стоит человек с открытым ртом – “Ну кто?”, а рядом просто “человек Вася”. Смысл – “удвоенная” сила или счетный суффикс для определения количества “раз” (в отличие от количества “штук”).

Не путайте “стоящий рот” со “звуком” (здесь нет “солнца”, поэтому “онное” чтение звучит как “БАЙ” (не “ОН” и не “ИН”), и оно – единственно возможный вариант).

Выражение прикладного характера “сколько раз” произносится “наmbай” (“нан” + “бай”) и выглядит следующим образом -

倍

何倍

“Сколько раз можно спрашивать: “Кто на нас с Васей?”

Вновь для контраста возвратимся к “старой” цепочке.

Уже встречавшаяся нам ранее “рука с палкой (или плеткой)”, свидетельствующая о легком принуждении (вспомните кандзи “учить”). В сумме получаем еще одного “покойного” – “старость принуждает к уходу в лучшие миры” – с “онным” чтением “КО”. При использовании “кунного” чтения “юз” значение иероглифа сглаживается до “причины, обстоятельства” –

故

故人

Что это за человек, понятно без комментариев, а название его по-японски звучит так же, как “кодзин”, хотя это уже не частное лицо.

Знакомый японец, узнав о моем интересе к иероглифам, категорично заявил о том, что иностранец по-японски говорить не сможет. Он объяснил это тем, что говорящий японец постоянно держит в голове включенный “монитор”, на котором непрерывно бежит строка произносимых им фраз, и подобным “монитором” наделяются только японцы в стадии эмбриона. Он явно недооценил способность к ассоциациям, которой наделяет природа россиянина в утробе матери. Например, если у Вас есть знакомый руководитель по фамилии Козин, то иногда Вы способны легко отделить в мыслях образ “Кодзин-сан как частное лицо” от образа “Кодзин-сан как покойник”.

事故

– “Дзико” означает “дело, способное привести к уходу в лучший из миров” или просто “несчастный случай, происшествие”.

故事

– “Кодзи” – это “дела давно минувших лет” или “исторические события, предания”. Иллюстрация того, как меняется смысл суммы от перестановки слагаемых.

居

Важный для словаря Элочки глагол “и(ру)” (по “куну”) – “**быть, обитать**” изображается сочетанием “согбенной фигуры” (похожей по очертаниям на “дверь”) с элементом “старый”. “Фигура” кланяется и в десятый раз повторяет жалобным голосом: “Живу я здесь, давно обитаю, так давно, что на собственную дверь стал похож” (не могли бы Вы заодно вспомнить кандзи “голос” с фигурой самурая за дверью?) Чуть не забыл, “онное” чтение данного иероглифа “КЁ”.

“До:кёнин” означает “человек, живущий в том же самом жилище” или попросту “сосед по квартире” (если Вам повезло и Вы еще обитаете в “коммуналке”, то теперь можете обращаться к соседу именно так, по его (ее) реакции Вы определите, что это за человек) –

同居人

Если Вам легко припомнился образ “старой и горькой травы”, то в плане “старости” можете считать себя состоявшимся японоведом и гордиться своими знаниями (одно-временно весьма поверхностными, но, как это ни парадоксально, отчасти и достаточно глубокими).

Очаровательный этюд от Ины Котовой (именно так написано в E-mail, пришедшем из славного города Стэмфорда) по поводу старости. Еще один дублер слова “старый” выглядит так, как это показано слева.

Наберите на своем электронном калькуляторе число “18”, и Вы с удивлением узнаете, что для японцев, спокойно доживающих до 90 и более лет, этот возраст является синонимом слова “старый” (может, они считают в данном случае в циклах восточного гороскопа?). Звучание этой “старости” возможно только по “ону”, и оно весьма благозвучно – округлите губы трубочкой и нежно произнесите “КЮ:”.

В сочетании с “работой” “поколения”, известной нам под названием “стиль” или “формальность”, получаем милое сердцу определение “старомодный” -

旧

旧式

Звучит это слово как “кю:сики”. Сосед по подъезду, которого я научил данному слову, тут же использовал его, нараспев обратившись к подружке (лет восемнадцати) –

*Не будьте кю-юсики,
Снимайте тру-усики.*

Наверное, это звучит пошлово, но зато на уровне озарения – “не вырубить топором” из памяти (новое “поколение” явно “работает” над новым “стилем” общения).

Еще один кандзи, который по “ону” чаще всего произносится как “КЮ:” (иногда лишь “КУ”). Образ, весьма напоминающий успешно используемый нами во множестве иероглифов элемент “долгие вечера”. Да и значение у него такое же – “**длительный**” (отдельно стоящий в тексте кандзи читается по “куну” как “хиса(сий)”.

В сочетании с “главным” (который может быть и “длинным”) образуется отличное слово “долговременность, постоянство” (“тё:кю:”) –

久

長久

Увидев “длинного предводителя”, птичка тут же взмахнула крылышками и привела нас к иероглифу “**книга, альбом**”, а также “**занавеска**” (ТЁ:/-), состоящему из уже встречавшихся элементов “материя, платок” и вышеупомянутого “шефа”.

Идея понятна – с одной стороны, для занавески нужен кусок материи достаточно длинный, с другой – главный торговец материей обязан вести учет, заноса проданный метраж в книгу.

帳

“Тэтё:” – так звучит по-японски “записная книжка” –

手帳

Еще один “командир”, определяющий “онное” чтение “ТЁ:”. Значение же данного кандзи образуется при добавлении элемента “боевой лук”. Смысл иероглифа не простой; на его примере Вы лишний раз можете убедиться в том, что “механическое” понимание японских текстов далеко не всегда подвластно нашему мозгу – необходимо таинственное переключение на совершенно другие образы мышления; накопленный на основе нашего богатейшего и замечательнейшего языка жизненный опыт не поможет Вам пробираться в джунглях японского языка (если вдруг захочется покинуть светлую “опушку леса” и направиться в “бурелом”, где водятся невиданные растения и животные). Представьте себе жителя суровой Сахары, прошедшего школу выживания под палящим солнцем среди бескрайних песков, его бесценный опыт мало пригоден для жизни северного охотника на моржей...

Итак, “лук командира” определяет, прежде всего, идею “**натяжения, растяжения**”, пуская стрелы во все стороны, военачальник расширяет пределы своего влияния, как минимум на расстояние полета стрелы, что приводит нас к пониманию смысла “**расширять влияние, покрывать пространство**”. Не будем углубляться в джунгли, чтобы не заблудиться без компаса, просто посмотрим в направлении стены растений, за которой нелегко плутать и натуральным японцам. –

主張

“Владелец (“король” с “короной”) + “расширение пространства” означает “настойчивость” (каждый король настойчиво пытается расширять пространство своих владений). Звучит это как “сютё:”.

Есть у данного кандзи и “кунное” чтение – “ха(ру)”; “гарасу (английское “glass”) о хару” – “вставлять стекло, остеклять”.

張

Предлагаю Вам, уважаемый читатель, достигший достаточной свободы в оперировании отдельными изображениями, поломать вместе со мной голову над несколькими кандзи, в составе которых мы увидим таинственную “бету”, образ которой уже встречался нам в изображении “столицы” (Вы сейчас можете закрыть глаза и припомнить, чем отличается написание “Токио” от “Киото”, кроме того, что “То” и “Кио” поменялись местами). Итак, мы с Вами уже обозвали “бету” “социальной лестницей”, увидев в ней стилизованную половинку пирамиды из двух ступенек. “Элемент” этот, несмотря на то, что носит явно выраженный “общественный” характер (Вы не встретите его без “сопровождения”, если только не читаете на досуге греческие тексты), весьма и весьма плодovit.

В союзе с элементом “конец” (конец таскания на руках возлюбленной при попадании под “крышу дома своего”) получаем кандзи “**организация, палата**”. Роль личности в истории нам известна, а вот в социальном плане организация, без всяких на то сомнений, является вершиной (концом) общественной пирамиды.

Если мы в качестве примера обратимся к структуре парламента, то узнаем, что речь может идти и о нижнем конце, поскольку “нижняя палата”, или “палата депутатов”, пишется следующим легко понятным сочетанием кандзи –

下院

То, как это слово пишется, может быть и не столь забавно, но вот читается просто замечательно – “Каин”. Если бы так совпало, что верхняя палата по-японски произносилась “Авель”, то возникли бы глубокие сомнения в уникальности происхождения японского языка. Поскольку этого нет и читается “верхняя палата” как “дзё:ин” (написать это Вы легко можете сами), то возникает мысль о том, что японская обезьяна и вправду достаточно давно отбилась от африканского стада и резво побежала в известном только ей направлении.

院

Читается иероглиф по “ону” (и только по нему), а лишний раз запомнить этот “он” Вы можете, к примеру, объединив известную нам “болезнь” (кто из Вас забыл “сырую внутри землянку”?) с ее “организованным” характером и получив в результате больницу – “бё:ин” –

病院

“Стоять” с открытым “ртом” на склоне “социальной лестницы” конечно можно, удивляясь ее совершенству или жестоким законам, но как в таком случае объяснить смысловое значение **“часть, отдел”**? Мы с Вами старые схоласты и можем связать что угодно с чем угодно, но может быть, проще будет сосредоточить внимание на маленьком элементе “рот” и представить его в качестве “маленьких границ”? В этом случае появляется гораздо более логичное обоснование – “на “социальной лестнице” можно “стоять” в определенных “границах”, которые и являются “отделами” организации.

部

Добавочное значение **“экземпляр”** печатного издания постарайтесь связать с его ограниченностью, установленной социальной лестницей или обусловленной тем, что это один из многочисленных экземпляров (хотите узнать о жизни все, соберите подшивку газет).

Вспомните изображение недоступного “сятё:” (президента компании). Используя кандзи “БУ” (именно так выглядит его чтение по “ону”, не имеющее “кунных” собратьев, к радости любого из нас), мы легко получим изображение гораздо более доступного “бүгё:”, или “начальника отдела” –

部長

Дружище “кун” рядом с “социальной пирамидой” предлагает не забывать, что, несмотря на царящую между Вами фамиллярность, он происходит от изображения “владыки, государя” и поэтому обозначает понятие **“округ, область”**. Если представить себе все государство в виде огромной пирамиды, то одна из частей его (та, где живут все знакомые между собой люди) также успешно может напомнить Вам о смысловом значении данного кандзи. Читается этот “округ” как “ГУН/ко:ри” (если Вы еще не устали забивать себе голову пока не слишком нужными чтениями).

郡

Отпорхнем на минутку от социальных конструкций для того, чтобы Вы вспомнили еще один кандзи, читаемый как “ГУН” (без всяких “кунов”). В данном случае чтение можно запомнить легко, связав его в памяти с неуклюжими попытками впервые прочитать английское слово “gun” – “пистолет, оружие”. Помните, как Вы упорно старались произнести “гун” вместо положенного “ган”? Так вот, это было подсознательное стремление сказать по-японски о хорошо знакомом изображении “тележки” под “щитом”, которое Вам зрительно известно как “армия”. Если “армия” находится в “движении”, то, по мнению китайских учителей, это являлось синонимом слова **“счастье”**. Японцы старательно рисовали “танк в пути” и повторяли вслед за учителями “УН”, не подозревая о том, какое счастье поехать по чужой земле на “железной повозке”. Это отражается и в том, что “кунное” чтение иероглифа “хако(бу)” имеет единственное значение – **“перевозить, передвигать”**.

運

Раз уж эта картинка вместе с зауценным звуком “ун” попала в древние словари, то пришлось смириться с тем, что “счастье” в передвижении армии, а не в том, чтобы, к примеру, съесть сырую печень поверженного врага или “постоять между десятками” (см. чуть ниже). Заимствуя письменность у соседей, смиритесь с тем, что к Вам перейдут и их моральные ценности.

Как мы только что обещали, поговорим о чисто японском **“счастье”**, “он” у которого один “КО:”, а “кунов” — целых три (известных мне, может, их и больше) — “сайва(й)”, “сати” и “сиава(сэ)”. Выделяем элемент “стоять”, у которого вместо пипочки сверху (означающей, как мы помним, “голову”) “десятка”. Такая же “десятка” и снизу. Всем известна счастливая примета — сидеть между двумя Иванами или Еленами. Почему бы не запомнить, что к счастью приводит “стояние между двумя десятками” — синоним **“юбилея”** (хорошо бы между 2-м и 3-м десятками), при этом Вы можете спокойно потерять голову от счастья!

幸

Наполненные счастьем (как в китайском, так и в японском истолковании), продолжим знакомство с прелестями общественной жизни. Вы легко вспомните составляющие следующего кандзи — две сидящие фигурки (требующие, чтобы их “сравнивали” между собой), “белый” и третий элемент с социальным уклоном. Не так давно мы с Вами познакомились с полетом над белыми пятнами, предполагающим идею “учиться”. Сравнение белых пятен, имеющихся для каждого из нас на ступенях социальной пирамиды, предполагает перемещение по этим ступеням (хорошо бы только вверх!). Саму “лестницу” вполне можно представить себе как один из неотъемлемых атрибутов многоэтажного здания. Таким образом, мы сузили значение иероглифа до значения **“этаж”**.

Вопрос “какой это этаж?” можно сформулировать в краткой форме “Нангай” (единственно возможный “он” “КАЙ” в сочетании превращается в “ГАЙ”) —

階

何階

Можно добавить и “...дэс ка”, а можно и вежливее “... дэсё ка” (об этом позднее и только для Элочки и ее поклонников).

Вы уже привыкли от частной графики переходить к общему изображению. Однако иногда можно перемещаться и обратно. Если Вы достаточно набегались по пресловутой “лестнице”, то удаление ее из предыдущего кандзи приведет к знакомству с иероглифом, значительно более широким по смыслу, — Вы сравнили все “белые пятна” в здании и отныне Вам знакомы **“все”**, **“всё”** и **“каждый”**. Вы даже знаете “он” и “кун” этого кандзи — “КАЙ/мина”.

Если после знакомства с данной книгой Вы решите серьезно заняться японским языком и начнете посещать какие-нибудь курсы, то сможете услышать обращение от сэнсэя: “Мина-сан!” , а если платеж осуществляется частным путем, то даже и “Минасама!” В первом случае мне слышится “Уважаемые товарищи!”, во втором — проस्कальзывает “Весьма многоуважаемые господа!”

皆

Речь у нас зашла о “сравнениях”, поэтому приведем еще один интересный “сравнительный” иероглиф — **“смешивать”**, имеющий оттенок **“путать”**. Сравнение “воды” и “солнца” даже для опытного диалектика представит непростую задачу, а здесь сидят два “балбеса” и мешают в кучу “солнце” и “воду”. “Он”, звучащий в рифму “КОН” (если Вам довелось поизучать французский язык, то Вы легко установите связь между “балбесами” и этим слогом), и “куны” “ма(дзиру)”, “ма(дзэру)”, а для особо любящих головную боль — еще и “кон(дзэру)”, легко проиллюстрируют Вам опасность смешивать сразу в голове смысл иероглифа и его чтение (чтения). Черти меня попутали в предыдущей главе, а с ними и некоторые читатели, но отступать уже поздно. Единственная рекомендация — попробуйте в первый раз прочитать книгу до конца, не обращая внимания на чтения, к которым можете обратиться только после того, как значение кандзи устоится (улежится) в Вашем сознании.

混

陞

Следующий “социальный” кандзи также связан с “сравнением”. Сидящие на “земле” два знакомых “балбеса” могут быть в любом месте “лестницы”, кроме самой вершины. Сама же лестница в данном случае приобретает поэтически-социальный смысл – “**ступени трона**”. Иероглиф встречается не так часто, и Ваше знакомство с ним обусловлено единственной мыслью о том, что вдруг Вам придется посетить страну Восходящего Солнца и однажды, где-нибудь в тесном переулке, Вы случайно встретите Его Величество Императора, и тогда сможете вежливо обратиться к нему “Хэй ка!” (замечательно звучит по-русски, попробуйте воскликнуть так, обращаясь к шефу). Вы уже поняли, что кроме “она” “ХЭЙ” для данного кандзи другие чтения невозможны, а “хейка” (Ваше Величество) на бумаге выглядит так, как показано ниже –

陛下

А буквальный перевод “хэйка” означает супервежливую аллюзию на “ступени трона, ведущие вниз” к простым смертным. И это отнюдь не является самым витиеватым выражением, принятым в культурах Востока для обращения к божественным царствующим особам. Для нашего уха порой подобное выражение звучит приятнее, чем бесхитростное и незавуалированное – “Ум, честь и совесть нашей эпохи”.

防

Если вместо “двух балбесов” появляется знакомая фигурка, указывающая в пируете “направление”, то мы имеем дело с иероглифом “**защищать, предотвращать**”, одним словом, “не допускать”.

“Социальная лестница” – вещь своеобразная, путешествие по которой сопряжено с борьбой за “место под солнцем”. Путь вниз по ней мы стараемся предотвратить для себя, а занять место на более высокой ступени пытаются не позволить те, кто ее занимают, защищаясь всеми возможными средствами.

章

Кандзи “**глава книги**” или “**значок, эмблема**” прошел сложный путь развития; ученые в поисках истинных истоков его образования приводят цепь развития от “иглы с ушком” (то, что выглядит как “рано”, при этом “солнце” как раз и находится на месте игольного ушка, пролезло как верблюд) к “игле для татуировки”, затем к “тату” в качестве отличительного знака, к “орнаменту”, перекочевавшему с кожи человека на пергамент книги в качестве украшения каждой отдельной главы. Все это время неспешно шли столетия и тысячелетия, меняя понятия и образы; все поменялось так, что “маму родную не узнаешь”. Мы с Вами вряд ли сможем быстро повторить весь этот путь (если только Вам не захочется посвятить всю жизнь поискам в древних письменах). Глядя на знак, кодируем в сознании “открываемую книгу”. Что “раньше всего” (прежде всего) “встает” перед глазами? Как правило, это название главы. Раньше, когда книги делали красивее, в названии глав использовали различные украшения, типа виньеток или иных эмблемок и значков. Взгляните на кандзи, произнесите “открываем книгу”, а дальше все свяжется автоматически.

障

При добавлении знака “социальной пирамиды”, определяющего смысловую идею нового кандзи (звучание по “ону” определяется элементом “значок, глава” – “СЁ”, отметим, что “куны” для него отсутствуют), получаем сочетание с негативным оттенком “**препятствовать, мешать**” и даже “**негативно воздействовать** (на кого-либо)”.

Сейчас мы с Вами вообразим такую ситуацию, что при встрече с новым для нас кандзи перед глазами появится “СЁ/сава (ри), сава(ру)” (“кунные” чтения в этом иероглифе имеются) и возникнет чувство внутреннего беспокойства, не зреет ли кошмарный “ячмень” на глазу.

Итак, представьте себя рядовым клерком, которому пообещали резкое повышение по работе. От радости (или от глупости, ибо одно другому не мешает) Вы решаете отметить новую “главу” в Вашей жизни каким-либо образом и наносите на кистях руки (или,

может, на лбу?) красивую татуировку “Не забуду этот день”. А может, попросту украшаете пиджак коллекцией значков, собиранию которых посвятили все детство. В необычайном возбуждении на следующий день Вы появляетесь перед глазами руководителя, чтобы официально занять подобающее Вам кресло. Конец ситуации с апоплексическими ударами и вызовом бригады из ближайшей “психушки” додумайте сами. Ответьте только на пару вопросов: “Помогли Вам столь невинные шалости (в виде эмблем и значков) продвинуться выше по работе? Помогли ли они открыть “новую главу” в славной карьере?” И еще раз полюбуйтесь на кандзи.

Взмахнем крыльями и вслед за птичкой возвратимся к забавному персонажу – “ящерке с оторванной головой” (припоминаете кандзи “место”, где несчастной оторвали вместо хвоста невосстанавливаемый орган тела?). Заменяв в иероглифе “место” элемент “земля” на элемент “вода”, мы получим новый кандзи “горячая вода” (с чтениями ТО:/ю).

Хотя ящерки – создания холоднокровные, но при подобном обращении у любого кровь вскипит от возмущения. Вот так и вышло, что вскипевшая кровь передала всю свою энергию воде, остающейся горячей на страницах любой японской книги.

Реакцию “земли” на коварное убийство мы знаем (кандзи выражает понятие памятного “места”), “вода” также прореагировала соответствующим этому событию образом (закипела от возмущения). А как обстоит дело с Луной, присутствовавшей при этом? Небесное светило притворилось, что из-за удаленности от земли и воды оно не заметило кровавой драмы, и (на радость партии “мясников”) заявило, что его (ее) холодный и спокойный облик отсутствует, в следующем кандзи изображен “кусочек мяса”, придающий ему смысловое значение “внутренности” (ТЁ: без “кунов”).

Для более легкого запоминания приведем пример слова “дайтё” –

大腸

Самой большой внутренностью у живого организма, как правило, является “толстая кишка” (если, не дай Бог, у Вас возникнут какие-нибудь проблемы с этим органом, то благозвучнее будет произнести: “Что-то у меня дайтё: не освобождается”, да и собеседник, вместо того, чтобы внутренне поморщиться, будет слегка заинтригован).

Встречу с несчастной ящеркой завершим кандзи, предоставившим ей достойное место в социуме и составляющим единое целое с другим кандзи в древнекитайской диалектической паре, известной нам под именем “инь – янь”. “Янь”, который японцы в своем “оне” преобразовали в “Ё” (отсутствие диалектических тонкостей в древней Японии обусловило отсутствие привычно звучащих “кунов”). Этот кандзи соткан из тонких материй мироощущения, и Вы найдете о нем множество информации в философской литературе. Мы ограничимся термином “положительное начало” (которое мужчины Китая узурпировали в качестве синонима “мужскому началу”, и даже “светлону”, и даже “солнечной стороне”).

Проиллюстрировать использование этого кандзи можно следующими примерами –

太陽

– “Жирное положительное начало” (“тайё”) – с таким подобоострастным уважением восточные люди именуют “солнечное светило”.

陽氣

– “Светлая энергия” (“ёки”) - а так они определяют “жизнерадостность” или в более широком значении “погоду” (вспомните синоним “тэнки” – “дух небес”).

湯

腸

陽

陰

“Ё” без “Ина” – как женщина без мужчины, а вернее – наоборот (хотя “Ин” и отправлен во вторую тысячу, мы не можем обойтись без него просто никак, ведь это не набор черточек, а основа мироощущения).

Перед Вами “ИН” (полученный из китайского “Иня”), и хотя он несправедливо обойден в первой тысяче кандзи, зато обладает “кунным” чтением “кагэ”, ибо древним японцам не суждено было родиться с диалектическими чувствами, и они наблюдали до появления китайцев исключительно “**тёмные стороны**” жизни и исходили из безрадостного ощущения ее “**отрицательного начала**” (имеющего в паре “Инь – янь” синоним “**женское начало**”, с которым я перед лицом девушек и женщин, держащих мою книгу в руках, категорически не согласен). Запомните кандзи “ИН/кагэ” легко, разбив его на составляющие “сейчас”, “два носа” (под “крышей” образующие элемент “встреча”) и все ту же “социальную лестницу”. “Встреча с женскими ножками на карьерном пути” связана с весьма “затемненными” обстоятельствами.

В сочетании с изображением “солнца” образуется слово “тьнь”, читаемое в обеих составляющих по “куну” (хотя, как мы уже знаем, обычно при соединении кандзи в единое слово, чтение производится по “ону”) – “хикагэ” –

日陰

Если добавить элемент “персона” (также читаемый по “куну”), то получим печальное слово “хикагэмоно” – “отверженный, изгой” –

日陰者

Вот такие встречи на “социальной лестнице”...

隊

И это была не последняя встреча. Смотрите, перед нами появились “рогатые свиньи”, которые в одиночку карьеры не делают, а сбиваются в кучу, называемую “**отряд**” (“ТАЙ” без “кунов”).

Наиболее музыкальные из них формируют “оркестр” – “гакутай” –

樂隊

Но большинство воюет под руководством “капитана” – “тайтё”, которому Высоцкий твердо пообещал – “... никогда ты не будешь майором” –

隊張

陸

“Земли”, “отделенные” от “земель”, формируют свою глобальную “пирамиду” международных отношений. “**Страна**”, синонимичная “сокровищу в границах”, имеет только “онное” чтение – “РИКУ” и выглядит следующим образом. Наиболее внимательных прошу обратить внимание на то, что одну “землю” от другой отделяет не элемент “отделять”, а элемент “ноги”, намек на “перемещение стран по глобальной пирамиде”.

“Большая страна” читается как “тайрику” и означает “континент, материк” –

大陸

險

Перед тем как познакомимся со следующим кандзи, возвратимся к самому концу 12-й главы, где Вы узнали, как выглядит на бумаге пресловутое “Норёку сикэн”. Последний из кандзи “КЭН” мы определили как “соответствие человека” чему-либо, насколько эффектно он проходит через “горнила экзаменов”, которые устраивает ему жизнь. В сочетании со все той же “социальной лестницей”, исхоженной нами уже вдоль и поперек, получается кандзи со значением “**неприступное место**” (“КЭН”) или “**обрывистый, суровый**” (“кэва(сий)”).

“Соответствие” требованиям “общественной пирамиды” – “суровое” испытание для каждого.

Вновь отпорхнем на секунду в сторону, чтобы познакомиться с кандзи “**поддерживать**” (“ХО/тамо(цу)”), состоящим из изображений “человек” и “дерево”, говорящим о своей полной лояльности, готовности помочь (на вершине мы видим открытый “рот”). Если Вы сравните кандзи “отдых” (где “дерево” молча предоставляет “человеку” все условия для качественного отдыха), то “поддержка говорящего дерева” не представляется такой уж бессмыслицей (по правде говоря, исторически не дерево поддерживает человека, а человек ребенка, но мысленно преобразовать элемент “дерево” в “ребенка” мне представляется сложнее, чем побеседовать с природой).

“Поддержка” в “суровых” обстоятельствах звучит как “хокэн” и переводится как полезное слово “страховка” –

保

Нам уже хорошо известна фигурка “белоголового” человечка, расположившегося покушать на свежем воздухе, имеющая значение “хорошо, хороший”. В качестве отдельного элемента в нескольких кандзи встречается изображение с отсутствующим “чубчиком - лучиком” на “голове”, что свидетельствует об отдыхе не какого-то отвлеченного блондина, а самого “солнца”. На “социальной лестнице” почивать на лаврах может единственное “солнце”, располагающееся на самой ее вершине и неподвластное критическим стрелам – выше только божественные силы. “Покорение самой вершины социальной пирамиды” по сути своей синоним слова “**предел**”, дальше которого нет ничего. Читается слово “предел” как “ГЭН/каги(ру), каги(ри)”.

У почивающего символа вершины пирамиды в принципе один путь; выше уже некуда, ниже передвинуть некому, остается “**удалиться**” самому либо на ампула “любимого дедушки”, либо естественным образом на встречу с Господом. Чтение данного кандзи по “ону” – “ТАЙ”, а по “куну” – “сиридзо(ку)”. Если же в “кунном” варианте используется дополнение на хирагане “кэру” (называемое “окуригана”), то слово читается “сиридзо(кэру)” и свидетельствует о достаточной потенции персонажа, занимающего пик “пирамиды”, поскольку его значение “**удалять, отгонять назад**”.

Вспомним кандзи “язык” (торчащий изо “рта”), который в союзе со “словами”, выпархивающими из того же “рта”, образует кандзи “рассказ, говорить”, а при наличии “влаги” (три капли воды слева) свидетельствует о наличии “жизненной энергии” в Вашем организме. Если изображение “языка” выдвигается на позицию перед изображением “рта”, то вполне допустимо увидеть в этом его “свисание” (представьте любую собачью морду или мордочку). Итак, идея реализовалась в глаголах “**свисать, подвешивать**” (“СУЙ/та(расу), та(рэру)”). Не будем приводить примеры к этому довольно редко встречаемому кандзи; для самых привередливых напомним на то, что, как правило, он придает сопутствующему кандзи “вертикальное” направление (если это “линия” – то “вертикаль” – возьмите нить или карандаш и подвесьте, увидите, что наблюдение не лишено правдивости).

Разговор о пресловутой “социальной конструкции”, изрядно утомивший не только Вас, но и меня, завершим кандзи, объединившим в своем изображении элемент “вертикальной подвешенности” и элемент “социальной направленности”.

保

限

退

垂

郵

“Вертикаль”, пронизывающая все общество и позволяющая связать все “ступени” его, невзирая на лица, — что бы это могло быть? Представьте, что Вам захотелось пообщаться с министром или даже с президентом, а может быть, и с самым богатым человеком планеты. Ясно, что пред светлые очи вышеупомянутых людей предстать физически невозможно, поэтому остается купить конверт и вложить в него “крик своей души”; об остальном за Вас позаботится “**почта**” (“Ю:/-”). На прощание взгляните еще раз на изображение, напоминающее “бету”, и, как некогда было модно говорить в нашем социуме, — “пишите письма”.

根

После напряженных “социологических исследований” вновь хочется расслабиться, почувствовать себя уверенным знатоком иероглифов, поэтому вновь доверимся полету птички, авось она выведет нас в нужном направлении... И птичка вывела на кандзи “**упорство**”, имеющий также значение “**математического корня**” (упорство при его извлечении явно не будет лишним).

Знакомые изображения “дерева” и “светила, почивающего на лаврах”. Не надо напоминать, что “вершина пирамиды” — “предел” достижения в жизни. Однако для того, чтобы достичь вершины дерева (или докопаться до его корней), также необходимо упорно потрудиться. “Он” читается как “КОН”, а “кунное” чтение “нэ” свидетельствует о том, что речь идет не о математическом, а о самом натуральном “корне”.

В сочетании с “энергией, духом” получаем “терпение” (по-японски “конки”) —

根氣

Пока доберешься до корней, “коньки (вместе с духом) отбросишь”.

救

Знакомый элемент “воспитание” в сочетании с “коровой” безошибочно выведет нас на “**пастбище**” (БОКУ/маки). Все бы кандзи были столь доходчивы!

改

“Себя” “попасти” — это то, чем в нашей стране занимались с неослабевающей страстью все последние годы. В переводе с японского кандзи называется “**реформировать**” и читается “КАЙ/арата(меру)”. Однако если речь зашла о “кунах”, то ближе читателю будет чтение “арата(мару)”, что означает “**подвергаться реформам**”.

В результате постоянного реформирования возможно “улучшение” всего, даже того, что и так уже “хорошо” (обратите внимание на “чубчик”, превращающий “солнце” в “блондина”, обжирającegoся на свежем воздухе с огромным удовольствием, интенсивность которого может быть увеличена в результате “реформы”). Подумайте сами, что может в данном случае явиться “улучшением” (мне почему-то первым делом пришла в голову мысль об огромной “груше”, используемой для облегчения желудочных страданий). Читается же это слово по-японски как “кайрё” —

改良

Так, что-то у нас с Вами пошло очень легко и просто. А с “невоспитанной устрицей” разберетесь? Посмотрите, графически все понятно, а вот смысл изображения ускользает, не так ли, мои замечательные японисты?

Ну что, сдаетесь? Скажите “ХАЙ” (“он” данного кандзи звучит, как “да, слушаюсь”) или “ябу(рэру)” (это такой “кун”), и я открою Вам ужасную тайну значения данного кандзи. Итак, признайтесь: “Я потерпел поражение” и удивитесь тому, что только что Вы точнейшим образом сами произнесли значение написанного выше иероглифа. Да, и “ХАЙ”, и “ябу(рэру)” означают “**потерпеть неудачу, поражение**”.

敗

Не знаю, правильно ли я поступил, заставив Вас почувствовать некоторую неуверенность в своих силах, но вот кандзи, состоящий из элементов “правильный” и “воспитание”, образует слово **“правительство”**, звучащее по японски как “СЭЙ, СЁ” (редкий случай “двуонности”) или “мацуригото” (необычайно длинный “кун”, зато единственный). Комментарии у любого законопослушного гражданина при виде данного кандзи должны отсутствовать напрочь.

政

Завершая тему “воспитания”, предлагаю Вашему вниманию еще один простой с точки зрения графики кандзи, состоящий из элементов “направление” и “воспитывать”. Чтение данного кандзи “ХО:/хана(су), хана(цу)”.

放

Значение его – **“освобождать, отпускать”** с оттенком **“отправлять подальше”** (гнать палкой в любом направлении).

送

Еще один простой кандзи, но уже не имеющий отношения к “воспитанию”. Он читается “СО:/оку(ру)” и состоит из “движения” и “барьера, препятствия”. Преодолевать “препятствия” в “движении” приходится, если Вы **“посылаете, направляет”** что-либо в каком-либо направлении. Смысл кандзи легко понять, если Вы посмотрите на пример, составленный из кандзи “посылать” + “электричество” и означающий “подачу электроэнергии”, или “со:дэн” –

送電

Если же кандзи “посылать” объединить с предыдущим “посылать подальше” (на свободу), то образуется слово “хо:со:” – “радиовещание” –

放送

Позабавимся под конец главы, приведя более сложное словосочетание “зарубежное радиовещание” (в стиле радиостанции “Свободная Европа”, что вряд ли вызовет хоть какие-нибудь эмоции у тех, кому не более тридцати). Итак, сложный термин “зарубежное радиовещание” будет читаться как “кайгай хо:со:” (привыкайте потихоньку к группам из кандзи), а выглядеть следующим образом –

海外放送

Самый последний кандзи в настоящей главе – **“посещать, приходить в гости”**, который по “ону” читается как “ХО:” (“хо-о - хо-о, парниша”, – подала внезапно голос Эллочка), а “кунное” чтение – “отодзу(рэру)” или “тадзу(нэру)”. “Направить слова в нужном направлении” Вы можете, только посетив близких друзей, готовых принять Вас в любое время дня и ночи и терпеливо выслушивать Ваши излияния по поводу японской иероглифики.

訪

Мы с Вами изрядно пошевелили извилинами в этой главе, поэтому прервите чтение для того, чтобы не забыть русской речи, и “направьте слова в нужном направлении”, пообщавшись с приятелями, а мы с Эллочкой и птичкой подумаем над тем, какой маршрут по Кандзиландии подготовить для Вас в следующей главе, благо нехоженных троп еще предостаточно...

XV. „Зазеркальные устрицы” доверчиво выползают на берег

О японской грамматике написано очень много книжек, дорогая Эллочка, но большинство из них не для тебя. Постараюсь кратко остановиться на самых основных моментах, без которых просто невозможно заговорить, потому что, как мы уже отмечали, в японском языке имеются странные для нас особенности. О мире КоСоАДо и частицах “ва” и “га” мы уже знаем, наступила очередь существительных. Понятие “существительное” японцам отнюдь не чуждо, они определяют эту часть речи примерно так же, как мы, но свойства японского существительного во многом отличны от нашего.

Прежде всего, для него чужды понятия “род”, “число” и “падежные окончания”. Если мы узнали, как выглядит и произносится любое из существительных, то можем быть уверены в том, что ни при каких обстоятельствах с ним ничего не произойдет. “Курума” (так называют свой автомобиль японцы, сродни нашему слову “тачка”) всегда останется “курума”, куда бы Вы ее не втискивали, и какие бы идеи с ней не связывали. Если Вы являетесь автовладельцем, то, в зависимости от настроения, можете назвать своего “коня” то “мотором” мужского рода, то “тачкой” женского, а то и “корытом”, с которым мы в нашем языке связываем идею предмета-гермафродита. Японцы сочли излишним подобное отношение к вещам и не понимают, зачем наделять их половыми признаками.

Точно так же они относятся и к предметам одушевленным. Если переходя на французский язык, Вы обязаны помнить, что по-французски “любовь” мужского рода, а “портфель” женского, а французы обязаны все сделать наоборот, грамотно объясняясь по-русски, то, выбрав языком общения японский, и мы и они можем отключить “родовое” чувство напрочь.

“Толковые ребята эти японцы” – такого комментария удостоился мой спич от Элочки, внимательно следившей за нитью рассуждения – “Мне же не жить с этими предметами, да и семьи уже появляются однополые, род совершенно не нужен”.

Эллочка, с языком надо обращаться бережно, не нами он создан, не нам его и изменять; если уж в русском языке принято говорить о родах существительного, то примем это за неизбежную данность и не будем спешить с реформами. С другой стороны, постараемся понять идею другого языка без навязывания своих принципов в “чужом монастыре”.

Поговорим подробнее о числах, которые также отсутствуют в неизбежной форме существительного. Что “автомобиль”, что “автомобили” – будет выглядеть одинаково: “курума” или “дзидо:ся” (буквально “самобеглая тележка”). Количество автомобилей либо понимается из контекста, либо определяется числительным, пристегиваемым к неизменному “курума”. В отдельных случаях возможны ухищрения типа “ватак(у)си” – “ватак(у)си-гати” (“я” – “мы”) или “аната” – “аната-гата” (“ты” – “вы”), но “внутренний монитор”, как правило, четко определит “множественное по существу” в “единственном по форме”.

Японские существительные “без роду, без племени (то есть без числа)” неизменны в окончаниях (машина, машиной, в машине и т.п.). Но уж без падежей ни один язык не обойдется. По-русски видоизменение существительного по падежам сопряжено с головной болью, поскольку необходимо помнить массу правил и исключений при изменении окончаний (“вижу Марию Ивановну и Нинель, не вижу Марии Ивановны и Нинели, у Вас не будет топора и ножниц?”). Падежность в привычном нам смысле японцы выражают, добавляя к неизменной форме существительного специальную частицу, глядя на которую Вы сразу понимаете, что происходит с существительным (какой “хвостик” ему надо приделать в русском переводе).

Две падежные частицы, отвечающие на вопрос “кто? что?”, нам уже знакомы. Это “тематическая” “ва” (маскирующаяся в тексте под “ха” в духе наших исключений из правил, которых в японском языке неизмеримо меньше) и “га”, которая “рематически” (не “ревматически”!) основной смысловой упор переводит на сопровождаемую ею часть предложения. И “ва”, и “га” свидетельствуют о том, что перед нами именительный падеж (со своеобразными восточными оттенками “темы” и “ремы”).

Для того чтобы существительное ответило на вопрос “кого? что?”, к нему необходимо присоединить частицу “о” (сади). Похожая по форме “о”, но расположенная спереди, не имеет ничего общего с “падежностью” и просто свидетельствует о нашем крайнем уважении к предмету, о котором мы говорим: “О, Марат! - это не просто нога, а того, кого надо нога”. “О дэнва” — это не просто телефонный аппарат (состоящий из кандзи “электричество” + “разговор”), а аппарат, имеющий отношение к уважаемому собеседнику. Помните анекдот о чукче, который успешнее всех выдержал голодовку, стоя на коленях перед телефоном и непрерывно обращаясь к нему: “Телефона, телефона, чукча кушать хочет!” В переводе на японский его обращение обязательно включало бы в себя “О дэнва”. Забудем о “почетной (передней) частице “О” и вспомним о “падежной частице О”, указывающей на наличие прямого дополнения “я его “кого, что” вижу” — “Дэнва о миру” (вижу, видишь, видит, видим, видите, видят телефон). О глаголах мы поговорим дальше, пока же напомним, что речь идет о “словарной” форме глагола “видеть”, которую гайдзинам лучше использовать в нейтрально-вежливой форме “глагол + мас”, то есть лучше скажем “дэнва о мимас” или “курума о мимас” (смотрю на телефон, вижу машину).

Сразу постарайтесь усвоить, что порядок внутри японской фразы не похож на построение наших предложений. Прямые дополнения всегда находятся перед глаголом — “прямое дополнение” — “о” — “глагол”. Скажите для тренировки фразу “Наблюдаю звезды (вижу, созерцаю звезду)”, “звезда” по-японски произносится как “хоси”.

С винительным падежом мы познакомились, на очереди “родительный” — “чей? который?”. С частицей притяжательного характера “но” мы уже встречались, расскажем о ней чуть подробнее. Она указывает на обладание чем-либо — “аната но курума” (Ваша или твоя машина), “ватак(у)си но томодати” (мой друг). Есть у нее и свойство указывать на материал, из которого сделан данный предмет, — “ки но ису” (деревянный стул), “тэцу но ха” (железные зубы).

Дательный падеж (кому? чему?) образуется добавлением частицы “ни” и может свидетельствовать о наличии косвенного дополнения. “Томодати ни тэгами о какимас” (пишу (пишешь и т.д.) письмо другу). Но поскольку японский язык создавался не нами, то частица “ни” отражает не только идею “кому-либо что-либо предоставить”. Если перед ней располагается название месяца, дня недели или время, то частица “ни” служит для указания времени события или действия — “сити дзи ни икимас” (пойду в семь часов), “нитиёби ни казримас” (возвращаюсь или возвращается (смотря какой контекст) в воскресенье). Кроме обозначения времени частица указывает на место расположения чего-либо — “Дайбуцу ва Камакура ни аримас” — “В (городе) Камакура имеется статуя Будды”. Есть еще один случай использования “ни”, называемый иногда “падежом превращения” — “стать кем-то, казаться кем-то, превратиться в кого-то” — “бё:ки ни наримас” (заболеваю), “сятё: ни наримас” (стану президентом компании).

Не бойтесь того, что не все может быть понято сразу, для многих вещей должна сформироваться некая привычка общения на новом языке.

Творительный падеж (чем?) формируется при помощи частицы “дэ” — “пэн дз какимас” (пишу ручкой), “курума дэ икимас” (еду в автомашине). Есть и еще одно значение, образуемое при помощи этой частицы, это указание места, в котором происходит какое-то действие, — “Камакура дэ Нихонго о бэнкё: симас” (учу японский язык в городе Камакура). Различить случаи использования “ни” и “дэ” на первый взгляд сложно, однако, для того, чтобы понять, почему после названия города в одном случае пишется “ни”, а в другом — “дэ”, нужно просто задать себе вопрос, происходит какое-либо действие или речь идет просто о “неподвижном состоянии”. Если используется глагол состояния (быть, находиться, располагаться), то ставим “ни”, если же что-либо делается в данном месте, то нужно писать “дэ”.

Направление, в котором осуществляется перемещение, требует появления частицы “э” (это так называемый “падеж направления”) — “Киото э икимас” (еду в Киото),

“Мосукува э курума дэ икимас” (еду в Москву на машине).

“Исходный” и “предельный” падежи можно понять как “от и до” — “Мосукува кара Киото мадэ курума дэ икимас” (от Москвы до Киото еду на машине). Понятно, что “кара” означает “от”, а “мадэ” — “до”.

“Присоединительный” падеж образуется частицей “мо” и переводится как “тоже”.

“Томодати ва Нихон э икимас. Ватак(у)си мо икимас” (Мой друг едет в Японию. Я тоже еду).

“Совместный” падеж указывает на то, с кем вместе Вы совершаете действие, – “Томодати то Нихон э икимас” (Еду в Японию с приятелем).

Последний падеж, на котором предлагаю остановить Ваше снисходительное внимание, – это “сравнительный”, образуемый при помощи частицы “ёри”, – “Токио ва Киото ёри такай дэс” – “Токио больше, чем Киото”.

Специфические падежи могут вызвать некое тоскливое беспокойство в Вашей душе, но по сравнению с нашими падежными окончаниями это просто “семечки”. Не спешите, все постепенно “разложится по полочкам”, и очень даже скоро...

Мирное посапывание Элочки указало мне на определенный перебор в учебных нагрузках на молодой организм. Наступившее молчание, как это ни странно, подействовало на нее вроде звонка будильника. Элочка сладко улыбнулась, потягиваясь, и произнесла: “Нихон... ику... Неужели непонятно?” Да вообще-то понятно; если японец произнесет “Воруга.. ехати...”, то Вы поймете, что он собрался на Волгу, а “Эрротика... рюбити” ясно укажет Вам на его чувства к Элочке. Изобретательный импотент, безусловно, может быть счастлив в браке, но “лучше быть здоровым и богатым”, чем мучиться, как рыба на берегу, в поисках нужного выражения... Но это уже, как говорится, на любителя.

Пришло время продолжить знакомство с кандзи, и, по просьбе Элочки, мы начнем с иероглифа, состоящего из элементов “устрица” и “нож, клинок”.

Чем был обусловлен выбор, не очень понятно, может быть, ей просто захотелось есть? Однако смысл кандзи несколько более философского характера, чем просто еда. Запомнить его достаточно просто: “если хочется есть, то кроме устрицы, необходимо иметь и нож, – это незыблемое **“правило”, “закон”,** без которого не проживешь”. Нам уже известен логичный “закон” в образе “пульса на запястье”. В приведенном выше кандзи логики не меньше; нужно только сосредоточиться на пару секунд, и образ “ножа” рядом с “устрицей” вызовет в памяти “правило” с единственным чтением “СОКУ”.

При появлении дополнительного элемента “вода” необходимо сосредоточиться на мысли о том, что, находясь рядом с водой, необходимо взять за правило – **“измерять”** ее глубину, чтобы не погибнуть.

Читается данный кандзи не только по “ону” (СОКУ), но и по “куну” – “хака(ру)”.

Если вместо “воды” появляется “человек”, то правилом можно считать изучение “пришельца” со всех сторон, отсюда прозрачным для запоминания становится значение этого кандзи **“сторона”**; чтение по “ону” вполне естественно – “СОКУ”, а по “куну” – наверняка уже слышанное Вами “кава”.

“Мигигава” и “хидаригава” – это изображения “правой стороны” и “левой стороны”, не напрягающие при узнавании этих слов –

右側

左側

“Устрица” с “отрезанными” “створками раковины” (подобно “ящерке с оторванной головой”) наводит на мысль о том, что для этого нужен какой-то **“инструмент”** (моллюск обладает неслабой мышцей, удерживающей створки, по сути целиком представляет из себя мышцу?)

Читается “инструмент” только по “ону” – “ГУ”. И больше ни гу-гу...

“Десять” “инструментов” означает слово **“подлинный, истинный”** и читается “СИН/ма”. “Для истинного удовлетворения аппетита надо вскрыть десток устриц” – один из возможных путей достижения истины при взгляде на этот кандзи.

則

測

側

具

眞

“Синку:” – “истинная пустота” – достаточно образное представление термина “вакуум” с привлечением “неба” (откуда древние могли знать о наличии вакуума в удаленном небесном пространстве?) –

真空

Пришло время вспомнить о милой сказке Кэрролла “Алиса в Зазеркалье” и одном из забавных образов - Морже, который талантливо выманил устриц на берег, проведя с ними политико-воспитательную беседу “о королях и капусте”. Как только взгляд задерживается на изображении “семи” “устриц”, сразу возникает образ пройдохи Моржа, заявляющего в духе Крылова: “Вы виноваты тем, что хочется мне кушать”. После этого появляется мысль о том, что устрицы поневоле оказались “в долгу” у обжоры и “проиграли свою игру” по всем статьям, за что и заплатились. “ФУ/о(y)” – так читается данный кандзи, значение которого **“быть в долгу, нести обязанность”**.

Дополнительный “кун” – “ма(кэ)” означает **“поражение”**, а “ма(кэру)” – **“терпеть поражение”**.

Поразмышляйте “о королях и о капусте” и не воспринимайте мое фантазирование как речи Моржа, собравшего “семерых устриц” и убедившего их познакомиться с иероглификой.

В совокупности с элементом “изменяться” (вспомните слово “химия” – “кагаку”) получаем кандзи **“сокровище, деньги”**.

Кажется, мы с Вами уже обсуждали роль “раковин” в деле становления денежного обращения, у некоторых племен “раковина” долгое время вполне успешно выполняла все функции денег. Одна из функций – “средство обращения” в виде элемента “меняться” доходчиво была изображена древнекитайскими экономистами. У японцев была более ярко выражена идея “золотовалютного стандарта” (вспомните кандзи “золото, деньги”), поэтому для приведенного выше иероглифа существует только одно-единственное “онное” чтение – “КА”.

Если вместо элемента “меняться” Вы увидите “делить”, то получается достаточно образное изображение кандзи со значением **“бедность”**. Если устрицу приходится не раскрывать, а делить, то это не от обеспеченности. Читается “бедность” как “ХИН, БИН/мадзу(сий)”.

Два хорошо нам известных “отца семейства”, между которыми мы видим изображение “дензнака в виде раковины”, – приятное для глаз изображение двух мужчин, “скинувшихся” в предвидении дружеского разговора. С их стороны слышится уважительное “Х-сан, У-сан”, и это вполне в духе “онного” чтения “САН”, а смысл кандзи – **“похваля, одобрение”**.

Два “топора” вместо двух “господ в шляпах” акцентируют наше внимание на деньгах, **“качество”** которых можно определить как “топорное”. Чтение его “онное” – “СИЦУ”. Такие же “деньги” в ином “онном” чтении (СИТИ) вполне подходят в качестве **“заклада”**.

負

貨

貧

贊

質

賞

Я уверен в том, что Вы легко вспомните кандзи “сотрудник” (“сяин” или “кайсяин”) в виде “устрицы”, открывшей “рот”, или в виде “рта”, постоянно говорящего о “деньгах”. Кандзи “свет, светить” представляет собой “звездочку” на “ножах”, а “школа” – “ребенка” под “крышей”, над которой боги проливают “свет знаний”. Появление “сияния” над “крышей” простого “сотрудника” свидетельствует о том, что он “отмечен” особым знаком; представьте, к примеру, выигрыш в лотерею. Подумайте над образом современно-го Акакия Акакиевича, и Вы без усилий зафиксируете в памяти кандзи со значением “приз”.

Чтение данного кандзи единственное и “онное” – “СЁ:”. В сочетании с двумя кандзи, при помощи которых пишется слово “литература”, получаем термин – “литературная награда”, или “бунгакусё:” –

文学賞

栄

“Дерево”, угодившее графически под подобную “крышу”, по всем признакам должно зацвести буйным цветом. Сочетание “божественного крышевания” (прошу прощения за “новояз”, активно используемый в современной журналистике) и “цветущего дерева” вполне подходит для символического обозначения кандзи – “**процветать, слава**” (“ЭИ/сака(эру), хаэ”).

党

“Старший брат” под такой “крышей” символизирует собой “процветающее” понятие “**партия, фракция**” (“ТО:”), вполне перекликающееся с бережно хранимыми в нафталине, не столь давними лозунгами типа “Партия – наш рулевой”.

任

“Человек” + “король” (это не совсем “король”, но так удобнее на время) – по аналогии с кандзи “служить” (“человек + “самурай”) данный иероглиф выражает идею святой “**обязанности**” – подчиняться власти короля (произносится при чтении – “НИН”).

賃

“Денежная обязанность” – это просто “**заработная плата**” (“ТИН”).

仮

Следующая небольшая серия кандзи основана на известном Вам элементе “против”, состоящем из “руки”, пытающейся изнутри упереться в “склон”, заменивший вторую “руку” (искренне прошу прощения, Фарид!) из кандзи “дружба”. Смысл в том, что мы видим выступление “против” попытки “похоронить дружбу”.

Простой графически (“человек” + “анти...”) и прозрачный по смыслу (“не по-человечески” = “не по-настоящему”) кандзи “**ненастоящий, притворный**”, имеющий также оттенок “временный, пробный”, имеет чтения “КА, КЭ/кари” и достаточно легко запоминается в обобщающем значении “суррогат человека”.

В сочетании с “болезнью” получим выражение почти по Мольеру – “мнимая болезнь”, или “симуляция” (кэбё:) –

仮病

Вы уже неплохо распознаете очертания “влажной землянки”, не правда ли? И уверенности стало больше на 40 процентов? И кандзи не сливаются в запутанный узор? Ай, молодец!

板

От “суррогата человека” – к “суррогату дерева”. Что может быть ненастоящим деревом? Представьте себе то, во что превращают люди своего надежного друга уже на протяжении долгих веков, – они его рубят, они его пилят и в итоге доставляют на склад пиломатериалов в виде... правильно, “доска” – суррогат дерева. Изображение “кокубан” (“черный” + “доска”) возвращает нас в светлые тоталитарные школьные годы, к образу строгой классной доски –

黑板

Снова чуть не забыл о чтениях, так расчувствовался, вспомнив о школе... Слушайте, и не говорите потом, что не слышали (в Багдаде все спокойно!) – “ХАН, БАН/ита”.

坂

“Суррогат земли” не столь убедителен по смыслу в качестве очередного значения “гора, склон”. Может быть, мысли древних настолько были заняты полями-кормильцами, что вид горы вызывал у них негативные мысли о том, сколько земли пропадает под склоном. А может, они философски размышляли о временном характере этих природных конструкций, разрушаемых временем... Чтения данного “холма” – “ХАН/сака”, а “портрет” данного кандзи Вы бы и сами нарисовали по приведенному выше “словесному портрету”.

返

Понятие “антидвижения” для нас, искушенных в разборе сложных конструкций, вполне проходит под грифом “запросто”. Многие даже найдут в этом кандзи скрытое изящество не только по форме (а элемент “движение” чертовски изящен!), но и по содержанию: движение – это движение, а антидвижение – это “цурюк назад” или “возврат”. Отсюда вытекает смысл – “возвращать, отдавать”, облеченный в читаемую форму “ХЭН/каэ(су), каэ(си)”.

В сочетании с “делом нематериального характера” (см. начало 6-й главы - “пишущий задумался”) получаем слово “ответ” (“возврат мысли по обсуждаемой проблеме”), читаемый как “хэндзи” –

返事

児

Вы не устали поедать “устриц” и размышлять об “антиделах”? Давайте снова немного расслабимся, глядя на забавное изображение “восемнадцатилетней старости” в сочетании с “ножками”.

Не поймешь этих восточных мудрецов: “восемнадцать” – это много, а “восемнадцать с ногами” – совсем мало. По нашему разумению, “восемнадцатилетних с ногами от ушей” трудно причислить к разряду детей, а в японо-китайском понимании это именно так, поскольку данный кандзи – дублер понятного “головастого” кандзи со значением “ребенок”. Может быть, нам надо было начать с изучения этого иероглифа, утвердиться в том, что у голенастных восемнадцатилеток еще “детство” где-то играет, а затем перейти к мысли, что “старость – это детство, у которого “отнялись” ноги” (извините за грубоватый подход к проблеме, Вы понимаете – исключительно в учебных целях).

Забавное сочетание “маленького”, “дитяти” и “отделения, отрасли” (вспомните “измерение зерна”) под названием “сёника” означает слово, доступное только серьезным японистам (растем!), – “педиатрия” –

小児科

Вы уже поняли, что кандзи “ребенок” читается по “ону” как “НИ”, есть у него и чтение “ДЗИ” (по аналогии с “НИН” и “ДЗИН” для “человека”), а вот “кунами” снова обидел.